

ZBORNIK RADOVA

Osamnaesta međunarodna naučna konferencija
Komisije za tvorbu riječi Međunarodnog komiteta slavista
Univerbacija/Univerbizacija u slavenskim jezicima
Sarajevo, 4–7. aprila 2017.

Urednica
AMELA ŠEHOVIĆ

Slavistički komitet
Sarajevo, 2018.

UNIVERBACIJA/UNIVERBIZACIJA U SLAVENSKIM JEZICIMA

Zbornik radova sa Osamnaeste međunarodne naučne konferencije

Komisije za tvorbu riječi Međunarodnoga komiteta slavista

Izdavač:

Slavistički komitet Sarajevo

Za izdavača:

Senahid Halilović

Recenzenti:

Ражна Драгићевић, doktor filoloških nauka, profesorka Filološkog fakulteta Univerziteta u Beogradu, Srbija

Senahid Halilović, doktor filoloških nauka, profesor Filozofskog fakulteta Univerziteta u Sarajevu, Bosna i Hercegovina

Аляксандр Лукашанец, doktor filoloških nauka, akademik Nacionalne akademije nauka Bjelorusije, prvi zamjenik direktora za istraživanje Centra za studije bjeloruske kulture, jezika i književnosti Nacionalne akademije nauka Bjelorusije, Minsk, Bjelorusija

Branko Tošović, emeritus, doktor filoloških nauka, Institut za slavistiku Karl-Franzens univerziteta u Grazu, Austrija

Tehnički sekretar:

Mr. Elma Durmišević-Cernica

Lektura i korektura:

autori radova i urednica Zbornika

Prijelom i oblikovanje:

Narcis Pozderac, TDP Sarajevo

Organizacijski odbor konferencije:

Prof. dr. Amela Šehović, predsjednica

Prof. dr. Senahid Halilović

Prof. dr. Sanjin Kodrić

Doc. dr. Adijata Šabić-Ibrišimović

Mr. Elma Durmišević-Cernica

ISBN 978-9958-648-20-5

Način dostupa (URL):

<http://www.slavistickikomitet.ba/Univerbacija/Univerbizacijauslavenskimjezicima.pdf>

Tehničku pripremu zbornika omogućilo je Kantonalno ministarstvo nauke i obrazovanja.

SADRŽAJ

Uvodna riječ.	7
Милан С. Ајџановић (Нови Сад) Универбација у српској дневној штампи	9
Наталија Анатольевна Николина (Москва) Суффиксальные универбаты и смежные с ними явления	21
Лидија Аризанковска (Скопје) Универбизација во македонскиот јазик.	31
Цветанка Аврамова (София) Универб(из)ација и езикова икономија в славјанските езици	43
Юлија Балтова (София) Универбацијата/универбизацијата и езиковата икономија в современните славјански езици	59
Ivana Bozděchová (Praha) Univerbizace a (kvazi)kompozice v současné češtině.	68
Рајна Драгићевић (Београд) Неки аспекти универбизације у српском језику	104
Ольга П. Ермакова (Калуга) Универбација и метонимия	118
Венера Фатхутдинова (Казань) Стилистические функции универбов в художественном тексте	127
Зинаида Харитончик (Минск) Универбаты-омонимы или универбаты-полисеманты	140

Nicol Janočková (Bratislava)	
K eliptickej univerbizácii v slovenčine (typ <i>krstný otec</i> → <i>krstný</i>)	154
Євгенія А. Карпіловська (Київ)	
Універбація в колі інших способів мовної компресії	169
Лариса Кислюк (Київ)	
Словотвірні моделі універбації в сучасних текстах і словниках української мови	181
Krystyna Kleszczowa (Katowice)	
Od uniwerbizacji do derywatów predykatywnych	194
Ніна Клименко (Київ)	
Універби в терміносистемах східнослов'янських та новогрецької мов	205
Elena Koriakowcewa (Siedlce)	
Универбация как вид компрессивного словообразования в современных русском, польском и чешском языках.	222
Paweł Kowalski (Warszawa)	
Uniwerbizacja w polskiej i słoweńskiej terminologii językoznawczej	235
Аляксандр Лукашанец (Мінск)	
Універбацыя/універбізацыя: сутнасць паняцця і месца ў тэрмінасістэме словаўтварэння.	248
Елена Лукашанец (Мінск)	
Специфика универбации во внелитературной речи	264
Swetlana Mengel (Halle)	
Роль и особенности компрессивного словообразования и словосложения в языке русскоязычной диаспоры в немецкоговорящих странах	274
Sonja Nenezić (Nikšić)	
Sintagma i tvorba riječi	290
Pavol Odaloš (Banská Bystrica)	
Univerbizácia v jazyku a komunikácii slovenčiny	300

Magdalena Pastuch (Katowice)	
Stare i nowe niesufiksne tehniki uniwerbizacyjne	312
Зоя Ю. Петрова (Москва)	
Словообразовательная омонимия универбатов – производных от названий стран: опыт корпусного исследования	324
Елена Петрухина (Москва)	
Семантические и стилистические свойства универбатов и субстантиватов в русском языке.	337
Anja Pohončowa (Bautzen/Budyšin)	
Uniwerbizacija w hornjoserbščinje	353
Лариса Рацибурская (Нижний Новгород)	
Универбаты-неологизмы в современных российских масс-медиа . . .	363
Василка Радева (София)	
Универбирането в отношението му към антиномията текст : код. . . .	372
Siniša Runjaić, Barbara Štebih Golub (Zagreb)	
Univerbizacija u hrvatskom nazivlju	385
Сергей Л. Сахно (Париж)	
Делокутивность и универбация, анализ некоторых фактов русского языка и других славянских языков в диахронии и в синхронии	400
Людвиг Селимски (Катовице)	
Универбизация и сходни явления. Поява в българската дериватология и перспективи	413
Ольга Северская (Москва)	
На <i>Поклонку</i> – с <i>Кутузы</i> ? <i>Кутузки</i> ? <i>Кутузовки</i> ? (к вопросу о вариативности и омонимии универбатов в московской топонимике)	426
Irena Stramljič Breznik (Maribor)	
Univerbizacija v slovenski slovarski praksi.	434
Amela Šehović (Sarajevo)	
Problematika glagolskih univerba u bosanskom jeziku (Koliko je zaista neupitno njihovo postojanje?)	455

Бранко Тошович (Грац)

Киберунивербы 468

Krystyna Waszakowa (Warszawa)

Zjawiska uniwerbizacji słowotwórczej w tekstach współczesnej
polszczyzny 481

Swetlana Mengel

Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, Germany, Halle
swetlana.mengel@slavistik.uni-halle.de

РОЛЬ И ОСОБЕННОСТИ КОМПРЕССИВНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И СЛОВОСЛОЖЕНИЯ В ЯЗЫКЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ДИАСПОРЫ В НЕМЕЦКОГОВОРЯЩИХ СТРАНАХ

В статье рассматриваются особенности функционирования способов компрессивного словообразования – универбации и апокопирования – и словосложения в русском языке диаспоры в немецкоязычных странах. Проводятся параллели с развитием русского языка в России в периоды нестабильных общественно-политических ситуаций, во время которых особенно ярко прослеживаются тенденции к демократизации и тенденции к интернационализации, характерные для развития современных литературных языков.

Ключевые слова: универбация, апокопирование, словосложение, русский язык в диаспоре

The article characterises the function of some compressive word formation patterns – the univerbation and the apocoping – and the composition in the Russian language of the diaspora in german speaking countries. It draws parallels to the development of the Russian language in Russia during periods of unstable social and political situations, in which the characteristic tendencies for modern literary languages – democratisation and internalisation – are particularly apparent.

Key words: Univerbation, Apocope, Composition, Russian language in the diaspora

1. Теоретические предпосылки

1.1. В своем широко известном исследовании “Словообразование как деятельность” Е. А. Земская (1992), характеризуя словообразование с функциональной точки зрения, наряду с собственно номинативной, конструктивной, экспрессивной и стилистическими функциями словообразования в языке выделяет и его компрессивную функцию, определяемую следующим образом:

Компрессивное словообразование служит целям сокращения уже имеющихся в языке номинативных единиц. Оно включает разного рода сокращенные номинации. Компрессивное словообразование обслуживают разные способы словообразования: суффиксальная универбация, сложносокращенный способ, аббревиация (Земская 1992: 9).

При этом исследователь отмечает, что суффиксальные универбаты (ср.: *пятиэтажка* ← *пятиэтажный дом*) свойственны прежде всего разговорному языку, а “сложно-сокращенные” наименования, т.е. апокопы (нем. *Apokopierung*), могут употребляться как в профессиональной речи (ср.: *старпом* ← *старший помощник*), в том числе и для создания терминов (ср.: *экоэнергетика* ← *экологическая энергетика*), так и в речи “обычной, неспециальной” (ср.: *морвокзал* ← *морской вокзал*) (Земская 1992: 58 след.).

Наряду с вышеназванными способами словообразования активным “средством создания разного рода уточняющих наименований” служит словосложение (Земская 1992: 90).

Наличие этой общей функции, а также их противопоставленность многословным наименованиям (в плане механизма экономии языковых средств) позволяет нам, как представляется, в соответствие с целями нашего исследования рассмотреть и словообразовательный способ словосложения (нем. *Komposition*) в функциональных рамках “компрессивного” словообразования. Сферой действия композитов в русском языке является, как известно, преимущественно язык-стандарт, т.е. кодифицированный литературный язык.

1.2. В периоды нестабильных общественно-политических ситуаций наблюдается ослабление кодифицированных языковых норм и их переоценка (Поливанов 1931). Это проявляется в усилении процессов заимствования в язык-стандарт явлений и единиц из иностранных языков и из субстандарта, т.е. некодифицированных форм существования языка. Последующая кодификация подобных заимствований отражает перманентное действие двух ведущих тенденций, характерных для становления и развития современных литературных языков: тенденции к интернационализации и тенденции к демократизации (колоквиализации) (Gutschmidt 1995). Заимствованию (и последующей кодификации) подвергаются при этом не только отдельные лексемы, но структуры различных языковых уровней (Mengel 2017). Для нашего исследования в этом плане представляет интерес поведение

словообразовательных моделей словосложения и компрессивных способов словообразования.

Язык-стандарт в России по настоящий день пережил, по нашему мнению, три периода нестабильных общественно-политических ситуаций: (1) Петровские реформы в начале XVIII века, явившиеся по сути дела толчком к возникновению русского литературного языка нового типа (т.е. будущего языка-стандарта), (2) период Октябрьской революции 1917–1920-х годов и (3) период Перестройки 1985–1990-х годов. В каждый из этих периодов наблюдаются аналогичные процессы, отражающие действие двух выше названных тенденций (Mengel 2017). Относительно предмета нашего исследования это представлено в интенсивном заимствовании моделей словосложения из иностранных языков и способов компрессивного словообразования из субстандарта или русского разговорного языка.

Так, анализируя язык “революционной эпохи”, А. М. Селищев (1928/2003) констатирует резкое увеличение в литературном языке количества сложных слов, образованных без соединительного гласного, т.е. по модели, не характерной для русского языка или в нем непродуктивной, ср.: *Волховстрой, Невастрой, пионеротряд, социалпредатель* и др. Исследователь связывает это явление с “вливанием немецкого языка” (ср.: *Pionierbewegung, Geldkasse*; Селищев 1928/2003: 36, 98), что говорит о заимствовании из немецкого соответствующей модели словосложения. Аналогичное явление наблюдается в эпоху Перестройки, когда образование композит без соединительного гласного происходит по модели, заимствованной из английского, ср.: *бизнес-клуб, имидж-центр, маркетинг-директор, шопинг-туризм, ракета-носитель, купи-продай (Сейчас тружусь на ниве купи-продай)* (Костомаров 1994: 160) и др. Увеличение продуктивности способов компрессивного словообразования, характерных для разговорного языка, отражается в языке средств массовой информации как в эпоху Октябрьской революции, так и в период Перестройки, ср., например, образованные способом апокопирования наименования 1920-х годов: *партзанятия* (← *партийные занятия*), *политэкономия* (← *политическая экономия*), *спецодежда* (← *специальная одежда*), *спец* (← *специалист*) и др. (Селищев 1928/2003: 36), и 1990-х годов: *Госдума* (← *Государственная Дума*), *оргпреступность* (← *организованная преступность*), *бандформирование* (← *бандитское формирование*) (Gutschmidt 1995: 386), *наив* (← *наивные пред-*

ставления), *беспредел* (← *беспредельные [внезаконные] действия*) и др. (Костомаров 1994: 161 след.), а также универбаты, возникшие и продуктивные в эти периоды: *вечорка* (← *вечерний выпуск газеты*), *передовица* (← *передовая статья в газете*) (Селищев 1928/2003: 82), *совок* (← *советский человек, Советский Союз*), *комок* (← *комиссионный магазин*), *порнуха* (*порнографическая кинопродукция*) (Костомаров 1994: 158, 177 след.), *дешёвка* (← *дешевые вещи, дешевые продукты*), *глубинка* (← *глубокая провинция*) и др.

1.3. Существование русского языка в диаспоре, по нашему убеждению, постоянно подвержено воздействию нестабильной общественно-политической ситуации, в которой находятся его носители, сравнимой с тремя выше названными периодами в России (Mengel 2011, Mengel/Plaksina 2014, ср. Berend 2003). Это касается прежде всего представителей первого поколения всех волн эмиграции, для которых русский язык является родным, первым языком (L1), и навыки овладения его кодифицированными нормами получены (в школе, вузе и т.д.) в России. Наши исследования показали аналогичное языковое поведение носителей русского языка первого поколения всех волн эмиграции в диаспоре и в нестабильных общественно-политических ситуациях в России, которое наблюдается на уровне словообразования в механизмах интеграции заимствованной лексики в языковую систему русского языка и в навыках использования различных способов словообразования и его функций. При этом оно отличается от языкового поведения представителей последующих поколений всех волн эмиграции с “унаследованным” русским языком (*heritage language* или L2) (Mengel/Plaksina 2012; 2014, Менгель/Челбаева 2015).

Относительно функционирования моделей словосложения и компрессивных способов словообразования, отражающих тенденции к интернационализации и демократизации (см. 1.2.), в языке русскоязычной диаспоры в немецкоговорящих странах наблюдаются в этом плане некоторые особенности, достойные внимания исследователя.

2. Особенности компрессивного словообразования и словосложения в русском языке в немецкоязычном окружении

Рассмотрим данные особенности на примере языковых фактов, зафиксированных нами в языке первого поколения 4-ой волны эмигра-

ции (Земская 2001: 35 след.), т.е. людей, покинувших Советский Союз и/или Россию в период Перестройки в конце 1980-х годов и в 1990-е годы (см. 2.1.), и их потомков, родившихся в эмиграции или прибывших с родителями в раннем дошкольном возрасте (см. 2.2.).

2.1. Для представителей первого поколения эмиграции – как и для носителей русского языка в России – характерно, как отмечалось выше (см. 1.3.), активное использование механизмов русского словообразования (наряду с механизмами формообразования) для интеграции заимствованной лексики в языковую систему русского языка. При этом заимствуются в первую очередь наименования реалий, отсутствующих в русском языке в предшествовавшей общественно-политической ситуации или представленных в ней неадекватно. Для эмигрантов таковыми являются прежде всего наименования различных учреждений, занимающихся интеграцией мигрантов в стране иммиграции, и способствующих интеграции мероприятий. В немецком языке номинации данных реалий зачастую образованы способом словосложения, высоко продуктивным – в отличие от русского языка (см. 1.1.) – не только в языке-стандарте или его официальном стиле, но и в нейтральном стиле, а также в разговорном немецком языке (см. ниже). Таким образом, заимствованию и интеграции в систему русского языка активно подвергаются и немецкие композиты. Рассмотрим следующие примеры:

- [1] *Вчера была в **арбайтсáмте**, антрáги поставила* (нем. *Arbeitsamt* ‘бюро по трудоустройству, биржа труда’; *Antrag stellen* ‘подать заявление’).
- [2] *У них в ванной новый **боденхáйцунг*** (нем. *Bödenheizung* ‘пол с подогревом’).
- [3] *Я пришла на пугцáлку, включила **шпүльку**. Хочу купить **шпюльку*** (нем. *putzen* ‘убирать, делать уборку’, *Spühlmaschine* ‘посудомоечная машина’, см. Mengel/Plaksina 2012: 186 след., Mengel/Plaksina 2014: 58).
- [4] *Сегодня поздно **приду**: у нас **шпетка** – завтра утром концерт* (нем. *Spätproben* ‘вечерняя репетиция’).
- [5] *На этой неделе у меня **шпетка**, а на следующей – **фрюшка*** (нем. *Spätschicht* ‘вечерняя/ночная смена’, *Frühschicht* ‘утренняя/дневная смена’).
- [6] *В **социале** сколько раз были! Никак не хотели нам квартиру платить* (нем. *Sozialamt* ‘социальный офис, бюро социальной поддержки’).

- [7] *Как приехали, нам **социал** дали. Так **на социале** и сидим* (нем. *Sozialhilfe* ‘социальная (взаимо)помощь’).
- [8] *Ну, сначала на **шпрахи** надо было ходить, не очень у меня это дело получалось* (нем. *Sprachkurs* ‘языковой курс’).
- [9] *Мне дочка помогает **штойер** делать* (нем. *Steuererklärung* ‘налоговая декларация’, *Steuern* ‘налоги’).

Как показывает контекст, включенные в русский язык диаспоры словосложения заимствованы как из официального стиля немецкого языка-стандарта (примеры [1], [6], [7], [8], [9]), так и из бытовой сферы функционирования языка, т.е. из нейтрального стиля и немецкого разговорного языка (примеры [2], [3], [4], [5]). Все они зафиксированы в разговорном языке русскоязычной диаспоры, который представляет собой основную форму существования (русского) языка в диаспоре вообще. Если примеры [1] и [2] свидетельствуют о механизмах интеграции немецких композит в систему русского языка, не отличающихся от интеграции односоставных слов, то примеры [3] – [9] отражают примечательные особенности такой интеграции. Рассмотрим сделанное наблюдение подробнее.

Слова [1] *арбайтсáмт* (одно из самых частотных заимствований в языке русско-язычной диаспоры в Германии) и его структурный аналог [2] *боденхáйцунг* включаются в языковую систему русского языка на морфологическом уровне с помощью формообразующих русских флексий: падежно-родовых окончаний. При этом последнее претерпевает одновременно смену грамматического рода по аналогии с русскими существительными мужского рода с нулевым окончанием в именительном падеже и твердым согласным в конце основы, ср.: *новый боденхайцунг* мужского рода, тогда как *Bodenheizung* в немецком языке, как и все существительные с суффиксом *-ung*, женского рода. Адаптация в языковую систему русского языка происходит и на фонетическом уровне: характерное для немецкого языка ударение на первом слоге, но практически невозможное для многосложных слов в русском языке (ср.: *самолёт*, *нефтепрóвóд* и др.), переносится на последующие слоги, а именно на второй компонент сложения. Аналогичные механизмы наблюдаются и при адаптации односоставных заимствований, ср. [1] *антра́ги* с русским окончанием множественного числа и переносом ударения с первого на второй слог.

Интеграция немецких композит, представленных в примерах [3] – [9], в систему русского языка происходит иным образом: прежде фор-

мообразующих языковых средств включаются механизмы русского словообразования, полностью изменяющие первичную структуру заимствований.

Причина этих двух различных подходов к освоению немецких сложных слов скрыта, как нам представляется, в различной структуре немецких композит первого и второго типа и соответствующих ей различных способов многословной номинации в русском языке.

Примеры [1] и [2] являют собой т. наз. “сложные слова сочинительного типа” (нем. *Kopulativkomposita*, ср., напр.: Günther 1984: 154-155), состоящие из двух равноправных опорных компонентов. На уровне синтаксиса в русском языке им соответствуют словосочетания с синтаксическими связями управления (нем. *Rektion*), ср.: [1] нем. *Arbeitsamt* – рус. *бюро по трудоустройству, биржа труда*; [2] нем. *Bodenheizung* – рус. *пол с подогревом* и др. В примерах [3] – [9] в немецком языке представлены т. наз. “сложные слова подчинительного типа” (нем. *Determinativkomposita*, ср.: Günther 1984: там же), где первый компонент детерминирует (уточняет, определяет) второй компонент, являющийся опорным. В русском языке таким немецким композитам соответствуют словосочетания прилагательного и существительного, объединенные синтаксическими связями согласования (нем. *Kongruenz*), ср.: [3] нем. *Spühlmaschine* – рус. *посудомоечная машина*, [9] нем. *Steuererklärung* – рус. *налоговая декларация* и др.

Одной из важных закономерностей существования и развития любого языка является стремление к экономии языковых средств, что на лексическом уровне отражается в замене многословных наименований однословными. В этом плане заимствование немецких композит в русский язык диаспоры вместо употребления уже имеющихся русских многословных наименований или создания новых представляется вполне логичным, что прослеживается в процессах заимствования сложений “копулативного” (ср.: [1] – [2]).

При заимствовании и адаптации сложений “детерминативного” типа (ср.: [3] – [9]), которым в русском языке соответствуют двусловные наименования, состоящие из прилагательного (в соответствии с “детерминирующим” компонентом композита) и существительного (в соответствии с его опорным компонентом), в языке русско-язычной диаспоры наблюдается, однако, кроме того дополнительное использование компрессивных способов словообразования, служащих

в русском языке созданию однословных номинаций на месте многословных (см. 1.1.). Указанные процессы проявляются в усечении немецкого композита до первого “детерминирующего” компонента с помощью продуктивных способов компрессивного словообразования универбации и апокопирования, которые в русском языке используются для создания однословных наименований на месте словосочетаний прилагательного и существительного (см. 1.1. – 1.2.). Подобное усечение немецких “копулативных” композит в процессе их адаптации невозможно без потери лексического значения. По той же причине компрессивные способы словообразования универбации и апокопирования не используются в русском языке для образования однословных номинаций на месте словосочетаний с синтаксическими связями управления.

Действие выше названной аналогии относительно функционирования компрессивных способов словообразования для создания однословных номинаций в русском языке, с одной стороны, и различных способов освоения двух типов немецких композит в языке русскоязычной диаспоры, с другой стороны, подтверждается, как нам кажется, также различиями в способах адаптации последних в языке диаспоры в зависимости от сферы их происхождения и употребления. Если заимствованные “копулативные” композиты одинаково принадлежат как официальной (ср.: [1] *арбайтсамт*), так и бытовой (ср.: [2] *боденхайцунг*) лексике, то для интеграции в систему русского языка немецких композит “детерминативного” типа используются различные способы компрессивного словообразования в зависимости от того, из какой сферы употребления пришли заимствования. Рассмотрим примеры [3] – [9] подробнее.

В примерах [3] – [5] интеграция немецких “детерминативных” композит в систему русского языка осуществляется с помощью суффиксальной универбации, высоко продуктивного способа компрессивного словообразования в русском языке (ср: *пятиэтажный дом* → *пятиэтажка* в Земская 1992: 9, см 1.1.). При этом – аналогично суффиксальной универбации двусловных номинаций – первый, “детерминирующий”, компонент композита (которому в двусловном русском наименовании соответствует прилагательное) становится носителем лексического значения, а на месте второго, опорного, компонента (соответствующего в двусловном русском наименовании существительному) выступает суффикс -к-, принимающий на себя

категориальное значение предметности: [3] *Spühlmaschine* ('посудомоечная машина') → *шпюль-к-а* / *шпюль-к-а* (см. Mengel/Plaksina 2012: 186 след., Mengel/Plaksina 2014: 58), [4] *Spätproben* ('вечерняя репетиция') → *шпет-к-а*, [5] *Spätschicht* ('вечерняя/ночная смена') → *шпет-к-а*, *Frühschicht* ('утренняя/дневная смена') → *фрю-шк-а*. Таким образом, при заимствовании немецких композит возникают русские дериваты с заимствованной основой, интегрируемые соответствующим образом в систему русского языка на морфологическом уровне с помощью формообразующих флексий. Примечательно при этом, что род и число создаваемого деривата ориентированы, как кажется, на род и число двусловного русского наименования, ср.: [4] *Spätproben* ('вечерняя репетиция') → *шпет-к-а*, где немецкое словосложение представляет собой *pluralium tantum*, тогда как образованный при его интеграции в русский язык дериват является существительным единственного числа женского рода в соответствии с существительным русского двусловного наименования *репетиция*.

Следует отметить, что высоко продуктивный в русском языке суффикс *-к-* со значением предметности активно используется в языке диаспоры и для интеграции в систему русского языка немецких аббревиатур, ср.: нем. (из английского) *CD* (ЦэдЭ) 'компакт-диск, компакт-диск, пластинка (СиДи)' → *цэдэшка* (*Давай ей цэдэшку подарим!*), что соответствует аналогичным процессам в русском языке метрополии, ср.: *СМ* (ЭсЭм) 'счетная машина' → *эсэмка* (Земская 1992: 50), *SMS* (ЭсЭмЭс) 'короткое сообщение, весточка' → *эсэмэска*. Тот же суффикс *-к-* широко применяется в диаспоре для интеграции немецких глаголов с помощью транспозиционного словообразования, ср.: [3] *putzen* 'убирать, делать уборку' → *путцать* → *путцалка* 'уборка' (см. Mengel/Plaksina 2012: 186 след., Mengel/Plaksina 2014: 58).

О высокой продуктивности способа суффиксальной универбации в целях интеграции в систему русского языка немецких композит "детерминативного" типа свидетельствует возникновение в языке диаспоры лексических омонимов на месте неомонимичных немецких наименований, ср.: [4] *шпетка* 'вечерняя репетиция' ← *Spätproben* и [5] *шпетка* 'вечерняя/ночная смена' ← *Spätschicht*. Этот факт противоречит основной цели компрессивного словообразования – стремлению к экономии языковых средств. Учитывая также и то, что немецкие композиты, осваемые подобным образом в русском языке диаспоры, уже являлись однословными номинациями в языке-источ-

нике, приходим к выводу, что использование компрессивного словообразования обусловлено здесь, в первую очередь, не стремлением к экономии языковых средств, но, прежде всего, процессами аналогии продуктивным словообразовательным механизмам в русском языке метрополии.

Как показывают наши наблюдения, данная аналогия проявляется, очевидно, и в том, что суффиксальные универбаты возникают только на месте тех немецких “детерминативных” композит, которые представители диаспоры употребляют в “обычной” речи. Этот факт полностью совпадает с утверждением Е. А. Земской (1992: 9 и др., см. 1.1.), что суффиксальные универбаты свойственны прежде всего русскому разговорному языку. Высказывания в примерах [3] – [5] принадлежат пробантам различных социальных групп, в которых употребляемые на месте композит универбаты обозначают реалии, характерные для их повседневной жизни: так [3] *шпюлька/шпюлька* отмечено как в речи женщины, занимающейся уборкой помещений, так и у работников Российского посольства в Берлине (см. Mengel/Plaksina 2012: 186 след., Mengel/Plaksina 2014: 58). *Шнетка* обозначает вечернюю репетицию в речи музыкантов [4] и вечернюю/ночную смену в речи заводских рабочих [5].

В примерах [6] – [9] представлены заимствования из официальной лексики. Интеграция немецких словосложений “детерминативного” типа в языковую систему русского языка осуществляется здесь с помощью другого способа компрессивного словообразования – (радикального) апокопирования. Немецкие композиты усекаются до первого “детерминирующего” компонента, который используется в качестве самостоятельного наименования, ср.: [6] *Sozialamt* (‘социальный офис, бюро социальной поддержки’) → *социал*, [7] *Sozialhilfe* (‘социальная (взаимо)помощь’) → *социал*, [8] *Sprachkurs* (‘языковой курс’) → *шпрахи*, [9] *Steuererklärung* (‘налоговая декларация’) → *штойер*. Такого рода апокопы от двусловных номинаций из существительного и прилагательного отличаются очень высокой продуктивностью в русском языке периода Перестройки, когда они особенно активно используются в средствах массовой информации, ср.: *беспредельные [внезаконные] действия* → *беспредел*, *конструктивные меры* → *конструктив* и др. (Костомаров 1994: 161 след., см. 1.2). Таким образом, аналогия продуктивным словообразовательным механизмам в языке метрополии, которая отражается здесь также в аналогии сфер проис-

хождения и употребления интегрируемой заимствованной лексики и русской исконной – официальная лексика немецкого языка в соответствие с лексикой российских средств массовой информации –, и здесь налицо. Это тем более показательно, если учесть, что представители первого поколения 4-ой волны русской эмиграции, языковое поведение которых здесь рассматривается, выехали из СССР или России именно в период Перестройки.

Образование омонимов в результате апокопирования, ср: [6] *социал* ‘социальный офис, бюро социальной поддержки’ ← *Sozialamt*, [7] *социал* ‘социальная (взаимо)помощь’ ← *Sozialhilfe*, и грамматическая ориентация апокопов на опорный компонент двусловного русского наименования отражают процессы, аналогичные показанным на примере анализа процессов универбации (см. выше). В последнем случае характерен пример [8]: образование *инпрахи* (← *Sprachkurs* ‘языковой курс’) зафиксировано нами только во множественном числе, образованном с помощью русского окончания *-и*. Думается, что это обусловлено частотностью употребления в русском языке наименования (*языковые курсы*), ср.: *ходить на курсы*, именно во множественном числе.

Итак, интегрируя заимствованную лексику в языковую систему русского языка, который в диаспоре употребляется, в основном, как разговорный, представители первого поколения эмиграции стремятся, по возможности, избавиться от словосложений, характерных в русском языке преимущественно для стилей языка-стандарта. Для этого они широко используют способы компрессивного словообразования – универбацию и апокопирование –, продуктивные в русском разговорном языке, а также в текстах публицистики и масс-медиа в периоды нестабильных общественно-политических ситуаций (см. 1.2.). Наблюдаемое явление соотносимо с процессами развития русского языка в России и отражает тенденцию к демократизации. Использование способов компрессивного словообразования возможно, однако, только при интеграции немецких “детерминотивных” композитов – т. наз. “сложных слов подчинительного типа”, которым в русском языке соответствуют двусловные наименования, представляющие собой словосочетания прилагательного и существительного.

2.2. Как показали наши наблюдения, потомки первого поколения эмиграции, т.е. представители её второго и последующих поколений, не используют механизмы компрессивного словообразования при

интеграции немецких композит в ситему русского языка и, очевидно, ими не владеют, ср.:

- [10] *На абитур я не буду мате сдавать, я из натурвиссенсиафтен био выбрала* (нем. *Abitur* ‘экзамены на атестат зрелости’, *Mathe* ← *Mathematik* ‘математика’, *Naturwissenschaften* ‘естественные науки’, *Bio* ← *Biologie* ‘биология’).

Приведенный пример свидетельствует о том, что апокопирование как продуктивный способ компрессивного словообразования известно нашему информанту из немецкого языка, ср.: *мате* (нем. *Mathe* ← *Mathematik*), *био* (нем. *Bio* ← *Biologie*), однако не применяется им в русском. Немецкие апокопы выступают как прямые заимствования наряду со словосложением “детерминативного” типа *натурвиссенсиафтен* (нем. *Naturwissenschaften*), хотя в последнем случае мог бы ожидаться как универбат **натурки* (**из натурок* – в бытовом употреблении), так и апокоп **натуры* (**из натур* – при интергрировании официальной лексики), как это наблюдается у представителей первого поколения эмиграции (см. 2.1.).

В отличие от русского языка, где композиты обоих типов, также имеют место, ср.: *лесостепь* (“копулативное” сложение), *водоснабжение* (“детерминативное” сложение), и характерны, в основном, для языка-стандарта (см. 1.1.), словообразовательный способ словосложения в немецком языке несравнимо более продуктивен и не ограничен какой-либо сферой употребления языка. Объединить в одно слово можно практически неограниченное количество самостоятельных слов, ср.: нем. *Zungenspitzenkontakt-stellung* – рус. *контактное положение кончика языка* (фонетический термин), нем. *Wildgänsedaunenjacke* – рус. *куртка с наполнителем из пуха диких гусей* (официальное коммерческое наименование) или *пуховик* (бытовое наименование), нем. *Fingernagelfrau* ‘женщина, которая профессионально занимается уходом за ногтями на пальцах рук’ (из детского языка: девочка рассказывает, кем она хочет стать, какую хочет выбрать профессию) – рус. *маникюрищица* или *маникюриша*.

Представители непервого поколения эмиграции не испытывают, как кажется, потребности “избавиться” от немецких словосложений при их заимствовании в русский язык и не стремятся их адаптировать, в том числе при помощи компрессивного словообразования. Напротив

немецкая модель словосложения без соединительного гласного выступает на первый план и заимствуется в русский язык диаспоры, ср.:

[11] *Дай мне ... лейканне!* (нем. *Gießkanne* ‘лейка’).

[12] *У него сзади висят такие колёса ..., ну ... эрзацколёса* (нем. *Er-satzreifen* ‘запасные колёса’).

[13] *Захвати их за руку и выбегайте из дом и закрывайте заходидверь!*
(рус. *входная дверь*).

Если в примерах [11] – [12] представлены ещё т. наз. “гибридные” образования, где первый (ср. [12] *эрзацколёса*) или второй (ср. [11] *лейканне*) компонент словосложения являют собой составные части соответствующих немецких композитов, то пример [13] *заходидверь* демонстрирует конечный этап процесса заимствования немецкой модели словосложения в русский язык диаспоры. Возможная окказиональность образования *заходидверь* (которому в русском языке в России соответствует двусловная номинация *входная дверь* или её апокоп *дверь*) не противоречит нашему утверждению, но, напротив, свидетельствует о продуктивности заимствованной модели словосложения в русском языке диаспоры. Данные процессы (в том числе, примеры [11]–[13]) подробно рассматриваются в наших работах Mengel/Plaksina (2012) и Mengel/Plaksina (2014), поэтому ограничимся здесь лишь следующим выводом.

В то время как использование представителями первого поколения эмиграции компрессивных способов словообразования для интеграции немецких композитов в систему русского языка отражает тенденцию к демократизации (см. 2.1.), заимствование немецкой модели словосложения их потомками в русский язык диаспоры соотносимо с тенденцией к интернационализации, активирующейся в русском языке в России также в периоды нестабильных общественно-политических ситуаций (см. 1.2.). Обе тенденции характерны для развития литературных языков. В этом плане язык диаспоры следует рассматривать как преимущественно устную (разговорную) форму существования языка-стандарта.

3. Заключение

Существование русского языка в диаспоре соотносимо с периодами нестабильных общественно-политических ситуаций в России, во время которых наблюдается ослабление кодифицированных языковых

норм и их переоценка, что проявляется в усилении процессов заимствования в язык-стандарт явлений из иностранных языков, а также из разговорных форм существования языка. Последующая кодификация подобных заимствований отражает перманентное действие двух ведущих тенденций, характерных для становления и развития современных литературных языков: тенденции к интернационализации и тенденции к демократизации. Заимствованию подвергаются при этом не только отдельные лексемы, но структуры различных языковых уровней. В нашем исследовании было рассмотрено поведение словообразовательных моделей словосложения и компрессивных способов словообразования в языке русскоязычной диаспоры в немецкоязычном окружении.

Удалось установить, что интегрируя заимствованную лексику в языковую систему русского языка, представители первого поколения эмиграции стремятся избавиться от немецких композитов, для чего широко используют способы компрессивного словообразования – универбацию и апокопирование. Последние продуктивны в русском разговорном языке и в текстах публицистики и масс-медиа в периоды нестабильных общественно-политических ситуаций, тогда как способ словосложения характерен преимущественно для различных стилей русского (письменного) языка-стандарта. Наблюдаемое явление отражает тенденцию к демократизации и соотносимо с соответствующими процессами развития русского языка в России. По аналогии с русскими двусловными наименованиями, состоящими из прилагательного и существительного, интеграции с помощью компрессивных способов словообразования могут, однако, подвергаться только немецкие композиты “детерминативного” типа.

Потомки первого поколения эмиграции, т.е. представители её второго и последующих поколений, не используют компрессивные способы словообразования для интеграции немецких композитов в систему русского языка. Напротив, они заимствуют немецкую модель словосложения без соединительного гласного как стилистически нейтральную в русский язык диаспоры. Данное явление сопоставимо с тенденцией к интернационализации, которая активизируется в русском языке в России также в периоды нестабильных общественно-политических ситуаций.

Литература

- Елена ЗЕМСКАЯ, 1992: *Словообразование как деятельность*. Москва: Наука.
- Елена ЗЕМСКАЯ, 2001: Словообразование. ЗЕМСКАЯ, Елена (ред.). *Язык русского зарубежья, общие процессы и речевые портреты*. Москва-Вена: Языки славянской культуры, 128–135 (Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 53).
- Виталий КОСТОМАРОВ, 1994: *Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа*. Москва: Педагогика-Пресс.
- Светлана МЕНГЕЛЬ, Татьяна ЧЕЛБАЕВА 2015: Особенности отражения категории деминутива в языке русскоязычной диаспоры в неславянских странах. STRAMLJIČ BREZNIK, Irena (ur.). *Manjšalnice v slovanskih jezikih: oblaka in vloga*. Maribor: Univerza v Mariboru, 221–232 (Zora 113).
- Евгений ПОЛИВАНОВ, 1931: *За марксистское языкознание. Сборник популярных лингвистических статей*. Москва: Федерация.
- Афанасий СЕЛИЩЕВ, 11928/2003: *Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917 – 1926)*. Москва: УРСС.
- Nina BEREND, 2003: Zur Dynamik von Sprachveränderungsprozessen in gesellschaftlichen Umbruchsituationen. REITEMEIER, Ulrich (Hg.). *Sprachliche Integration von Aussiedlern im internationalen Vergleich*. Mannheim: Institut für Deutsche Sprache, 21–36.
- Erika GÜNTHER, 1984: Wortbildung. GABKA, Kurt (Hg.). *Die russische Sprache der Gegenwart. Band 4. Lexikologie*. Leipzig: Enzyklopädie, 149–202.
- Karl GUTSCHMIDT, 1995: Struktur, Substanz und Normen slawischer Gegenwartssprachen. *Zeitschrift für Slawistik*. 40(4), 382–387.
- Swetlana MENGEL, 2011: Typologischer Wandel im systemischen Ausdruck der Kasusfunktion im Russischen. KOTIN, Michail, KOTOROVA, Elizaveta (Hg.). *Geschichte und Typologie der Sprachsysteme*. Heidelberg: Winter, 257–263.
- Swetlana MENGEL, 2017: Russisch im Wandel: Sprache während gesellschaftlicher Umbruchsituationen. WITZLACK, Kai, WULFF, Nadja (Hg.). *Handbuch des Russischen in Deutschland. Migration – Mehrsprachigkeit – Sprachwerb*. Berlin: Frank & Timme, 239–259.
- Swetlana MENGEL, Elena PLAKSINA, 2012: Интерференция словообразовательных механизмов в языковых системах билингвов (на примере русского в диаспоре и языков-партнёров). ДРАГИЋЕВИЋ, Рајна (ур.). *Творба речи и њени ресурси у словенским језицима*. Зборник радова са четрнаесте међународне научне конференције Комисије за творбу речи при Међународном комитету слависта. Београд: Филолошки факултет, 177–192.

Swetlana MENGEL, Elena PLAKSINA, 2014: Interferenz von Wortbildungsmechanismen in den Sprachsystemen bilingualer Sprachträger (am Beispiel des Russischen in der Diaspora und seiner Partnersprachen). *Zeitschrift für Slawistik*. 59(1), 46–62.

The role and Particularity of the Compressive Word Formation and the Composition in the Language of the Russian Speaking Diaspora in German Speaking Countries

The condition of the Russian language in the diaspora correlates with periods of unstable social and political situations in Russia. During these periods a weakening of the codified linguistic norms can be observed as well as their overevaluation. Expressions of both are the increase of foreign borrowings into the standard language and borrowings from the spoken language. The subsequent codification of this type of borrowings reflects a permanent effect of two main trends, which are characteristic for the emergence and the development of modern literary languages: the trend of internationalisation and the trend of democratisation.

The article describes word formation patterns and analyses their function, e.g. composition and some compressive types of word formation in the Russian language of the German speaking diaspora. In general, first generation migrants rather incorporate borrowings into the Russian language system in order to reject german composites, and for this reason they often use the compressive word formation – the univerbation and the apocoping, which are also productive in the Russian language as well as in journalistic and mass media texts in times of unstable social and political situations. The observed phenomenon reflects the trend of democratisation and correlates with the respective development processes of the Russian language in Russia. The descendants of the first generation of migrants, i. e. the representatives of the second and the succeeding generations don't use compressive word formation in order to incorporate german composites into the Russian language system. On the contrary, they borrow the german pattern of word formation without a connecting vowel into the Russian language of the diaspora, which is commensurable with the trend of internationalisation.

CIP - Katalogizacija u publikaciji

Nacionalna i univerzitetska biblioteka Bosne i Hercegovine, Sarajevo

811.16/.17'373.611(063)(082)

MEĐUNARODNA naučna konferencija Komisije za tvorbu riječi Međunarodnog komiteta slavista Univerbacija/Univerbizacija u slavenskim jezicima (18 ; 2017 ; Sarajevo)

Zbornik radova [Elektronski izvor] / Osamnaesta Međunarodna naučna konferencija Komisije za tvorbu riječi Međunarodnog komiteta slavista Univerbacija/Univerbizacija u slavenskim jezicima, Sarajevo, 4-7. aprila 2017. ; urednica Amela Šehović. - El. knjiga. - Sarajevo : Slavistički komitet, 2018. - 495 str.

Način dostupa (URL): [http://www.slavistickikomitet.ba/Univerbacija/Univerbizacijauslavenskimjezi cima.pdf](http://www.slavistickikomitet.ba/Univerbacija/Univerbizacijauslavenskimjezi%20cima.pdf). - Nasl. s nasl. ekrana. - Lat. i ćir. - Izvor opisan dana 12.6.2018. - Bibliografija i bilješke uz tekst

ISBN 978-9958-648-20-5

COBISS.BH-ID 25828870